

УДК 902.1

МОГИЛЫ С ЗАПЛЕЧИКАМИ АЛМАЛЫКСКОГО МОГИЛЬНИКА¹

Набоков А. И.

*ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: artur-nabokov@rambler.ru*

Голев С. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: feogolev@gmail.com*

Рассматриваются четыре могилы с заплечиками, происходящие из Алмалыкского некрополя. Данный памятник является одним из крупнейших позднеантичных и раннесредневековых некрополей Юго-Западного Крыма. Среди погребенных в могилах с заплечиками встречаются представители разнообразных половозрастных групп. Могилы с заплечиками, по невыразительному сохранившемуся инвентарю, датируются в рамках второй половины/конца IV – первой половины V вв., таким образом, данные комплексы являются одними из самых ранних погребальных сооружений на могильнике в балке Алмалык-дере. Погребальный инвентарь невыразителен, что может свидетельствовать о невысоком социальном статусе погребенных. Данные погребальные конструкции схожи, но по расположению углубления для погребений условно делятся на два типа. Деревянные либо каменные перекрытия в ходе археологических исследований не обнаружены. Топографически могилы с заплечиками располагаются на северной оконечности и в южной части Алмалыкского некрополя. Радикальных отличий от подобных синхронных могил на других могильниках Юго-Западного Крыма не выявлено.

Ключевые слова: Алмалыкский могильник, могилы с заплечиками, захоронения, хронология, погребальный инвентарь, обряд.

История изучения. Алмалыкский могильник появляется во второй половине/конце IV в. в результате переселения крупной однокультурной группы, в которой доминировал аланский компонент [16, с. 188]. Заняв территорию площадью около 7 га в западной части балки Алмалык-Дере у северо-восточного подножия Мангупа (рис. 1), некрополь продолжает функционировать вплоть до VII в. Топографически памятник расположен на природной террасе, плавно переходящей в тальвег балки Алмалык-Дере, и пологой части склона перед ней. Он вытянут полосой длиной около 600 м и шириной в пределах 50–200 м вдоль предполагаемой древней дороги, ведущей на Мангупское плато [15, с. 106, 112].

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Меггрант № 075-15-2022-1119.

This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant project No. 075-15-2022-1119.

Впервые поиски раннесредневекового некрополя возле Мангупа провел Е. В. Веймарн в 1938 г. Тогда не удалось обнаружить следов раннесредневековых погребальных сооружений, но исследователь отметил предполагаемое местонахождение некрополя на сводном плане всех археологических объектов, известных к этому времени на Мангупском городище. Стоит отметить, что это место на плане в публикации 1953 г. совпадает с известным, на сегодняшний день, расположением Алмалыкского могильника [7, с. 420].

Первые небольшие раскопки на памятнике провел в 1982–1983 гг. В. А. Сидоренко, который изучил несколько склепов, часть материалов из которых была датированных им VII в. [20, с. 329–300]. В 1996 г., ввиду начавшегося тотального ограбления Алмалыкского некрополя, силами Мангупской археологической экспедиции КФУ им. В. И. Вернадского под руководством А. Г. Герцена начинают проводиться охранно-спасательные работы. Могильник являлся одним из постоянных объектов исследований экспедиции вплоть до 2013 г. В 2019 г., после перерыва, работы на памятнике были возобновлены [9, с. 13–15].

Одновременно с археологическими работами отдельные комплексы и некоторые группы материалов из раскопок Алмалык-дере постепенно вводились в научный оборот [28–30; 32; 33]. Особо необходимо отметить выход коллективной монографии по итогам международного проекта по изучению крупнейших византийских крепостей в Юго-Западном Крыму – Мангупа и Эски-Кермена [34]. В этой работе опубликованы материалы археологических исследований Алмалыкского некрополя за период 1996–2008 гг., сопровождаемые каталогом погребальных сооружений, аналитическим разделом, посвященным погребальному инвентарю, и схемой расположения комплексов на памятнике. Благодаря этой монографии значительная часть материалов могильника была введена в научный оборот, хотя некоторые вопросы, в особенности касающиеся топографии, планиграфии, атрибуции отдельных групп материалов, архитектуры погребальных сооружений, еще требуют дополнительного изучения.

Исследования Алмалыкского могильника в 2019–2022 г, кроме традиционных раскопок, носили также археолого-топографический характер. Благодаря им удалось составить подробный топографический план западной части балки Алмалык-Дере с точной локализацией уже известных и обнаруженных археологических объектов. Возобновление полевых работ и дополнительное изучение архивных материалов, повлекли за собой уточнение времени функционирования Алмалыкского могильника, а также открытие и изучение новых типов погребальных сооружений с дополнительными конструкциями: насыпями, ровиками и кромлехами.

Хронология некрополя в балке Алмалык-Дере на данный момент представляется следующей: первая фаза – вторая половина IV – первая половина V вв.; вторая фаза – вторая половина V – первая половина VI вв.; третья фаза – вторая половина VI – начало VII вв.; и четвертая фаза – VII в. Первые две хронологические фазы соответствуют докрепостному периоду истории Мангупского городища, тогда

как третья и четвертая фазы относятся ко времени строительства и раннему этапу функционированию византийской крепости на Мангупском плато [16, с. 184–188].

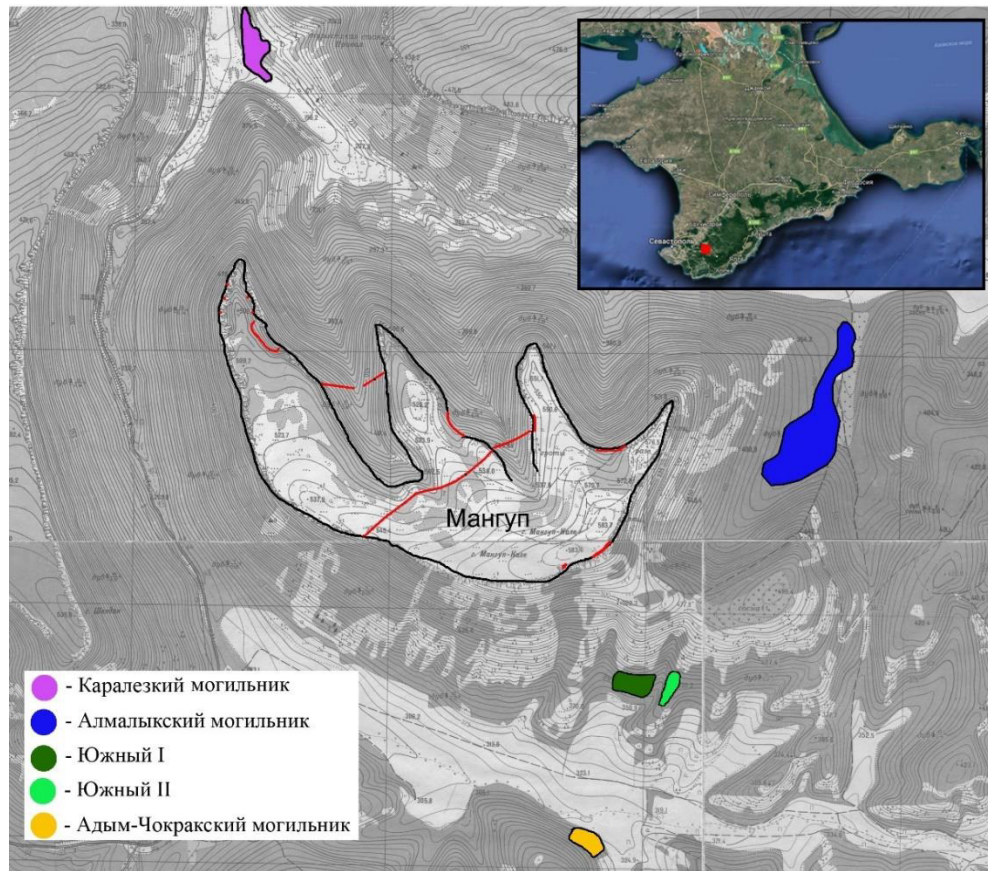

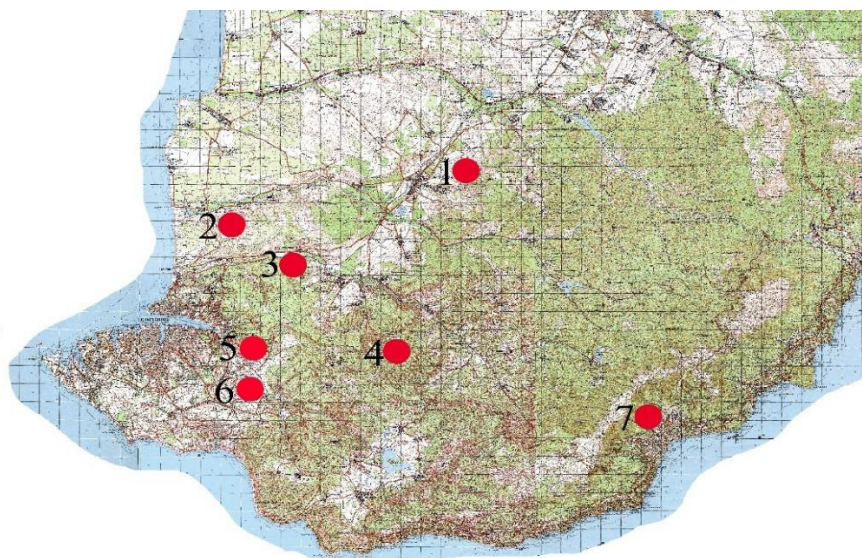
Рис. 1. Место расположения Алмалыкского могильника.

Современное состояние памятника, погребальные сооружения и обряд.

Алмалыкский могильник, как минимум, дважды подвергался массовому ограблению, в древности и в конце XX – начале XXI вв. Из-за этого подавляющая часть известных на его территории погребальных сооружений была ограблена. Следы ограблений представлены сейчас отвалами грунта и многочисленными грабительскими ямами, зачастую повторяющими по порядку разрушенных погребальных сооружений.

На территории Алмалыкского могильника выявлено 267 погребальных сооружений, выкопанных в твердом материковом суглинке, из которых лишь 120 изучены археологически полностью. Совершенные в них захоронения, в тех случаях, когда удалось зафиксировать положения костяков, совершены по обряду

труположения на спине, иногда в гробах или колодах. На Алмалыкском могильнике не была распространена традиция использования многоярусных погребений. Количество погребенных в грунтовых склепах варьируется в пределах 1–5 человек. Ориентация в основном в западном секторе, реже – в восточном и в одном случае в южном. Исследованные погребальные сооружения представлены 87 склепами нескольких типов, 27 подбойными могилами, так называемыми «курганами» (не менее 6), Т-образной могилой-катакомбой, 6 обычными грунтовыми могилами и 4 могилами с заплечиками.

1 – Сувлу-Кая; 2 – Вишневое; 3 – Фронтовое 3; 4 – Алмалыкский могильник; 5 – Инкерман; 6 – Совхоз 10; 7 – Алония.

Рис. 2. Могилы с заплечиками второй половины III–IV вв. и второй половины/конца IV – первой половины V вв. на некоторых могильниках Юго-Западного Крыма.

Могилы с заплечиками, которые являются предметом исследования настоящей статьи, представляют собой погребальные сооружения с уступами (заплечиками) вдоль длинных боковых стенок, которые, чаще всего, служили для установки каменного или деревянного перекрытия [11, с. 465], с углублением для погребенного [3, с. 43]. В Крыму такого рода погребальные сооружения появляются еще в I в. н.э., вероятно, в связи с распространением в регионе сарматских погребальных традиций [13, с. 281, 286]. На некрополях, возникших около середины III в., в могильных ямах отсутствуют характерные для позднескифских памятников каменные вымостки, с прослойками земли между ними [2, с. 18]. В таких случаях

данные погребальные сооружения встречались на некрополях, где, помимо грунтовых, плитовых и подбойных могил, начинают появляться ранее не известные на территории Крыма склепы [25, с. 48]. Возникновение целой группы некрополей около середины III в. согласуется с информацией из письменных источников о миграции германцев и алан в Крым [3, с. 59].

Некоторые могилы с заплечиками второй половины/конца IV – первой половины V вв., хронологически наиболее близкие таким могилам на Алмалыкском могильнике, обнаружены в небольшом количестве на могильниках Юго-Западного Крыма (рис. 2). Большая часть из них обнаружена на некрополях, связанных с упомянутыми миграциями германцев и алан [5, с. 152; 17, с. 33; 21, с. 34], а также на возникшем ранее могильнике Фронтное 3 [19, с. 18] и функционировавшем в IV – VII вв. могильнике Алония [23, с. 145]. Как и на могильнике в балке Алмалык-Дере, могилы с заплечиками на перечисленных памятниках не были в числе превалирующих типов погребальных сооружений.

За весь период археологических работ на Алмалыкском могильнике всего было исследовано 4 грунтовых могилы с заплечиками (рис. 3). Две из них (№№ 1–2), раскопаны в 2006 г. в северной части некрополя (рис. 4), еще две обнаружены в 2008 г. в южной части памятника (рис. 5).

Могила с заплечиками № 1 (рис. 6). Погребальное сооружение имеет подпрямоугольную форму и вытянуто по оси юго-восток – северо-запад. Максимальная глубина относительно материковой поверхности составляет около 2,10 м, длина 1,6 м, ширина 0,89 м, ширина заплечиков 0,20–0,27 м. Торцевые стенки вертикальны, боковые немного расширяются ближе к заплечикам. Длина подпрямоугольного углубления для погребенного 1,49 м, ширина 0,42 м, глубина 0,57 м. Стенки вертикальные, дно ровное. Следы заклада не сохранились.

В могиле обнаружено детское погребение, головой на север, частично ограбленное в древности (рис. 7–8). Из заполнения могилы происходят две шаровидные уплощенные бусины из прозрачного зеленоватого и синего пастового стекла (рис. 8, 1–2). При зачистке погребения и дна могилы обнаружен погребальный инвентарь. *In situ*, рядом с сохранившимися костями таза захороненного, найдены статер боспорского царя Фофорса (285/6–309/10) (рис. 8, 3) и фрагмент железного шила с остатками деревянных рукояти и чехла (рис. 8, 4). В ногах погребенного лежала краснолаковая миска с усечено-коническим туловом, на низком кольцевом поддоне (рис. 8, 5), справа, в районе пояса – небольшая бесщитковая бронзовая пряжка с овальной рамкой и загнутым за нее язычком (рис. 8, 6). Рядом с черепом обнаружен фрагмент железного ножа с остатками деревянной рукояти (рис. 8, 7). Пятно разложившегося железного предмета обнаружено справа от костей таза.

Могила с заплечиками № 2. Погребальное сооружение имеет подпрямоугольную форму с несколько скругленными углами, вытянуто по оси северо-восток – юго-запад (рис. 9). Максимальная глубина относительно материковой поверхности составляет около 1,47 м, длина 2,56 м, ширина 0,90 м, ширина заплечиков 0,12–0,23 м. Стенки вертикальные, но восточная торцевая

стенка имеет небольшой уклон. Признаков ограбления не обнаружено, хотя следы заклада также отсутствуют. Длина подпрямоугольного углубления для погребенного 2,40 м, ширина 0,50 м, глубина 1,1 м. Стенки расширяются к ровному дну, где ширина ямы составляла 0,84 м. На дне сооружения, в его передней, средней и задней частях, лежат плоские камни, вероятно, выступавшие в качестве подставки под гроб или колоду. Кости погребенного или хотя бы их тлен не зафиксированы. Погребальный инвентарь отсутствует.

Могила с заплечиками № 3. Погребальное сооружение имеет подпрямоугольную форму, вытянуто по оси северо-запад – юго-восток (рис. 10). Максимальная глубина относительно материковой поверхности составляет около 2,76 м, длина 2,64 м, ширина 1,0 м, ширина заплечиков 0,17–0,25 м. Стенки вертикальные, восточная торцевая стенка в нижней части уничтожена вывалом грунта в камеру склепа №192/2007. В заполнении могилы обнаружен фрагмент челюсти животного, вероятно, оленя. Западная торцевая стенка входной ямы сохранилась на высоту до 0,60 м. В ее нижней части имеется углубление – следы от норы животного. Признаков ограбления не обнаружено, хотя следы заклада также отсутствуют. Длина подпрямоугольного углубления для погребенного около 2,25 м, ширина 0,46 м, глубина 0,49 м. Боковые стенки камеры заглажены. В древности, вероятно, была предпринята попытка ограбления могилы, однако, захоронение осталось практически не потревоженным. В заполнении грабительской ямы обнаружены единичные фрагменты красноглиняной амфоры типа V по ХК–71 [4], дна от сероглиняного лепного сосуда и мелкий фрагмент стенки от краснолаковой тарелки (рис. 14, 4).

Погребение, ориентированное головой на северо-запад, принадлежало взрослой женщине (рис. 13; 14) [8, с. 214–215.]. Все присутствующие кости сохранились в анатомическом порядке, за исключением левой ступни, разрушенной норой животного. Вещи в погребении лежали *in situ*. Между тазовыми костями располагалась небольшая поясная серебряная бесщитковая пряжка овальной формы из согнутой проволоки с язычком с загнутым краем (рис. 14, 1). У правой ступни обнаружена обувная серебряная пряжка округлой формы с загнутым язычком и щитком овальной формы из пластины, согнутой пополам вокруг рамки (рис. 14, 2). Парная ей серебряная пряжка (рис. 14, 3) найдена в засыпи соседнего грунтового склепа №192/2007.

Могила с заплечиками № 4. Погребальное сооружение подпрямоугольной формы, вытянуто по оси восток-запад (рис. 15). Максимальная глубина относительно материковой поверхности составляет около 2,63 м, длина 2,34 м, ширина 0,93 м, ширина заплечиков 0,16–0,25 м. Торцевые стенки вертикальны, боковые немного расширяются ближе к заплечикам. Могила ограблена в древности, из-за чего ее верхняя часть разрушена. Передняя стенка входной ямы сохранилась местами только в районе заплечиков. Задняя стенка плоская, боковые ребра заплечиков деформированы, вероятно, при ограблении. Длина подпрямоугольного углубления для погребенного 2,0 м, ширина 0,56 м, глубина 0,65 м. Углы перехода торцевых и боковых стен в заплечики скруглены. Стенки расширяются к ровному

дну, где ширина ямы составляла 0,84 м. Яма для погребения впущена в дно могилы, и, таким образом, заплечики прослежены по всему периметру погребального сооружения. *In situ* на полу могилы обнаружены четыре камня-подставки под гроб или колоду (рис. 16). На ребрах перехода боковых стен в заплечики зафиксирована полоска темного грунта мощностью 1–2 см, возможно, связанная с несохранившейся деревянной конструкцией. Слой грунта над заплечиками представлял собой темно-коричневый суглинок мощностью 0,12–0,15 м, над которым была более светлая засыпь. Таким образом, можно предположить, что могила с заплечиками № 4 имела деревянное перекрытие.

Древние грабители проникли в восточную часть погребальной камеры. Из-за этого часть костей ног погребенного (пяточные кости и левая малая берцовая) остались *in situ*, что позволило определить нестандартную ориентацию захоронения – головой на восток (рис. 17). В поясной части погребения на дне лежало расколотое пряслице (рис. 17, 1). Погребение принадлежало молодому мужчине [8, с. 214–215].

Погребальный обряд и архитектура сооружений. Рассматривая погребальный обряд, стоит отметить, что в могиле с заплечиками №2 кости погребенного или хотя бы костный тлен не были зафиксированы. Вероятно, ввиду наличия камней-подставок можно предполагать использование здесь при погребении колоды или гроба. Несколько малой представляется ширина верхней части погребальной камеры, от 0,40 до 0,50 м. Возможно, в могиле №2 планировалось или было совершено погребение ребенка или подростка.

Погребение в могиле № 1 принадлежало ребенку, который был уложен на спину головой на север, с небольшим отклонением к западу. Руки, по крайней мере, до локтей, были вытянуты вдоль тела. С погребением хорошо соотносится смещенная находка небольшого железного ножа, длина лезвия которого не превышала 6–7 см. Небольшая пряжка без рамки, обнаруженная в области таза или поясицы, скорее всего, использовалась для фиксации тонкого, шириной не более 1,6 см, пояса, либо для застежки небольшой сумочки слева на поясе. Об этом свидетельствуют находки железного шила и боспорской монеты, обнаруженные *in situ* в 3–4 см выше и немного правее от костей таза. При этом отметим, что шило лежало поверх монеты. Монета Фифорса, вероятнее всего, выступала в качестве так называемого «обола Харона» или «монеты мертвых». Подобные находки известны повсеместно при раскопках варварских могильников Юго-Западного Крыма, в том числе некрополей округа Мангупского городища (Южный I, Южный II, Адым-Чокрак). Примечательно, что в склепе №31 Адым-Чокракского некрополя, датированном VII – первой половиной VIII вв., также был найден статер боспорского царя Фифорса аналогичной эмиссии [14, с. 164, 168, рис. 1, 1]. В юго-западном углу могилы зачищено скопление фрагментов краснолаковой миски, которая, скорее всего, стояла в ногах погребенного. К сожалению, пол погребенного определить не удалось, но наличие нескольких бус в «слое ограбления», дает возможность предполагать, что в могиле № 2 была похоронена девочка.

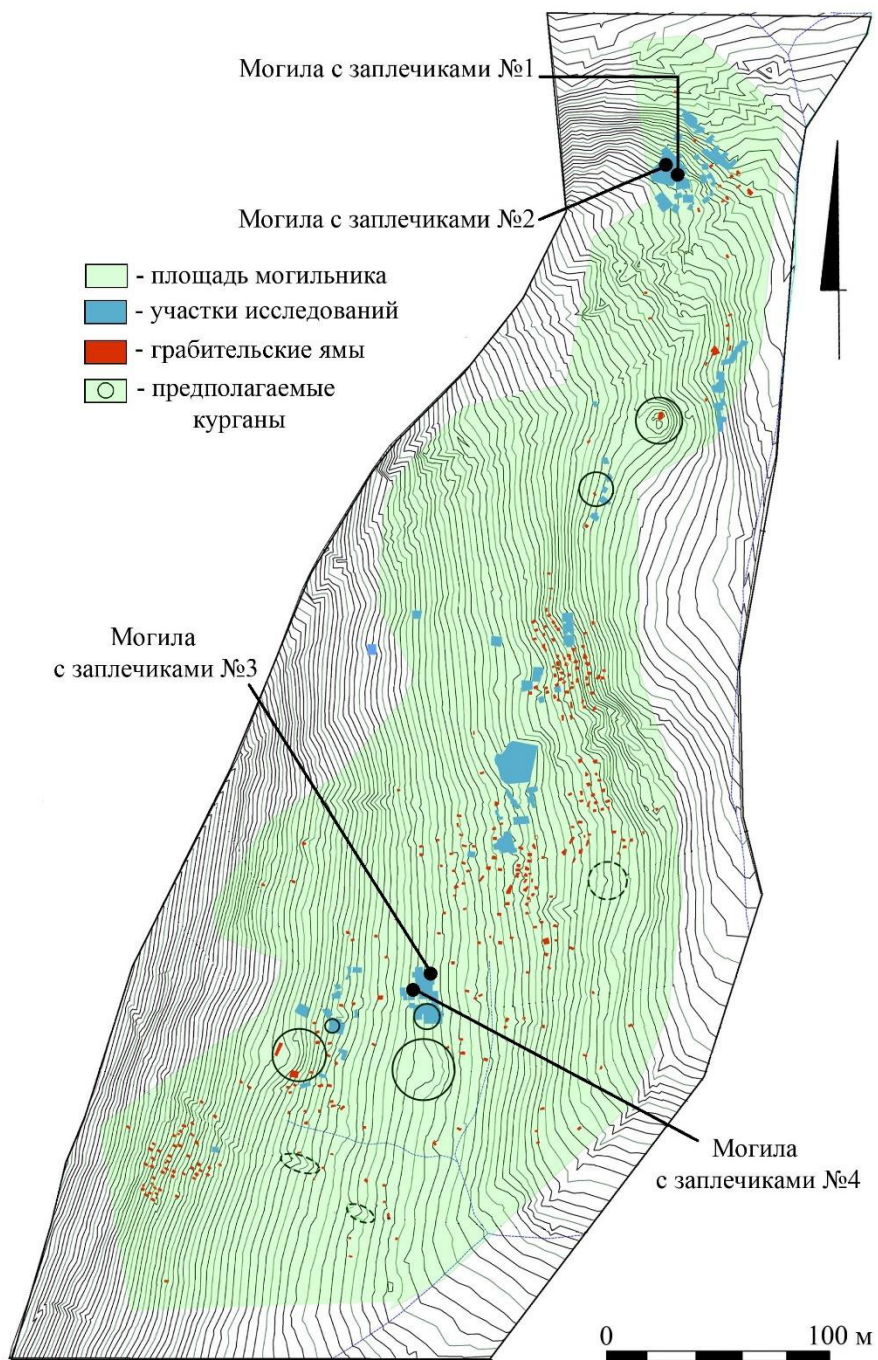

Рис. 3. Могилы с заплечиками на Алмалыкском могильнике.

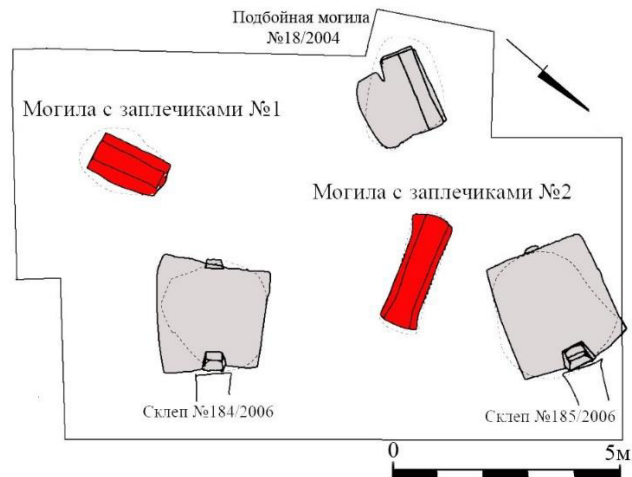

Рис. 4. Северная часть Алмалыкского могильника – участок исследований 2006 года.

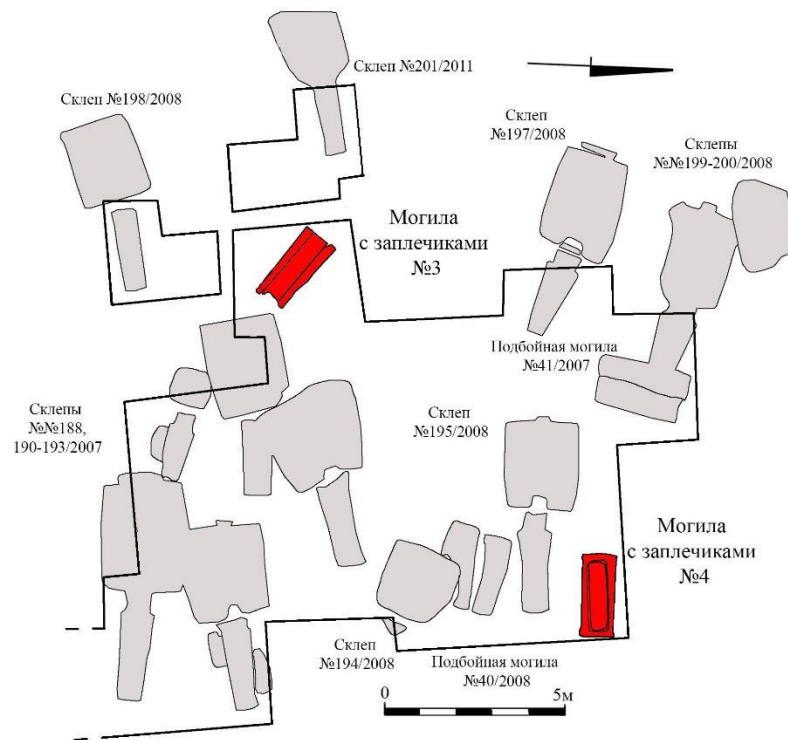

Рис. 5. Южная часть Алмалыкского могильника – участок исследований 2007–2008 года.

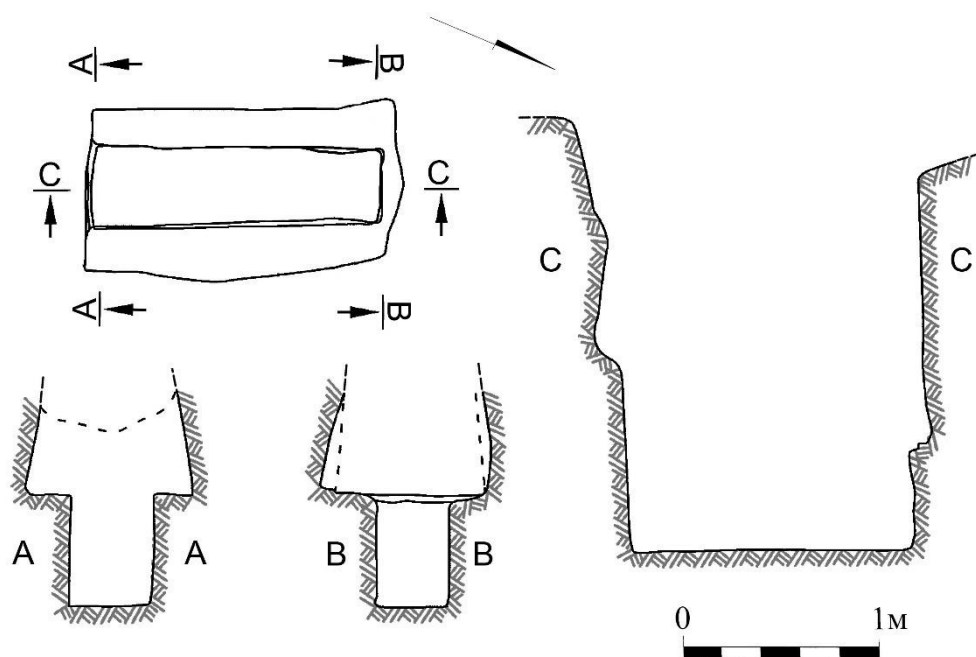

Рис. 6. Могила с заплечиками № 1.

В могиле с заплечиками № 3 костяк сохранился практически полностью. Это женское захоронение, уложенное на спину, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль тела. Судя по тому, что длинные кости рук практически касались боковых стенок камеры, колода или гроб не использовались. Положение сохранившихся костей правой стопы, немного развернутой в сторону, свидетельствует о свободном положении костяка. Если бы погребение было завернуто в «саван», как это часто встречается на синхронных могильниках, то кости ног располагались ближе друг к другу, ввиду стягивания костяка тканью [18, с. 129]. Погребенная, вероятно, была похоронена в прижизненном костюме, включавшем неширокий пояс, застегнутый бесщитковой пряжкой посередине и обувь. Для фиксации обуви использовались небольшие серебряные пряжки для тонкого, не более 1,4 см, ремешка. Морфологически близкие пряжки использовались в составе обувных наборов типа 1–3 по Э. А. Хайрединовой, распространенные в первой половине V в. [24, с. 134–135, рис. 3, б].

Погребение в могиле № 4 своей ориентацией отличается от погребений в могилах №№ 1 и 3 тем, что голова умершего уложена в северо-западном секторе. Судя по сохранившимся *in situ* антропологическому материалу, речь идет о труположении на спине с восточной ориентацией. Из погребального инвентаря сохранилось только сероглиняное биконическое пряслице. Несмотря на то, что

погребение в могиле является мужским, находки подобных пряслиц более характерны для женских и детских захоронений [3, с. 52]. Наличие четырех камней-подставок на дне могилы, по две в области головы и стоп, свидетельствует об использовании гроба или колоды, шириной более 0,40 м и длиной около 1,70 м.

Рис. 7. Могила с заплечиками № 1. Фото.

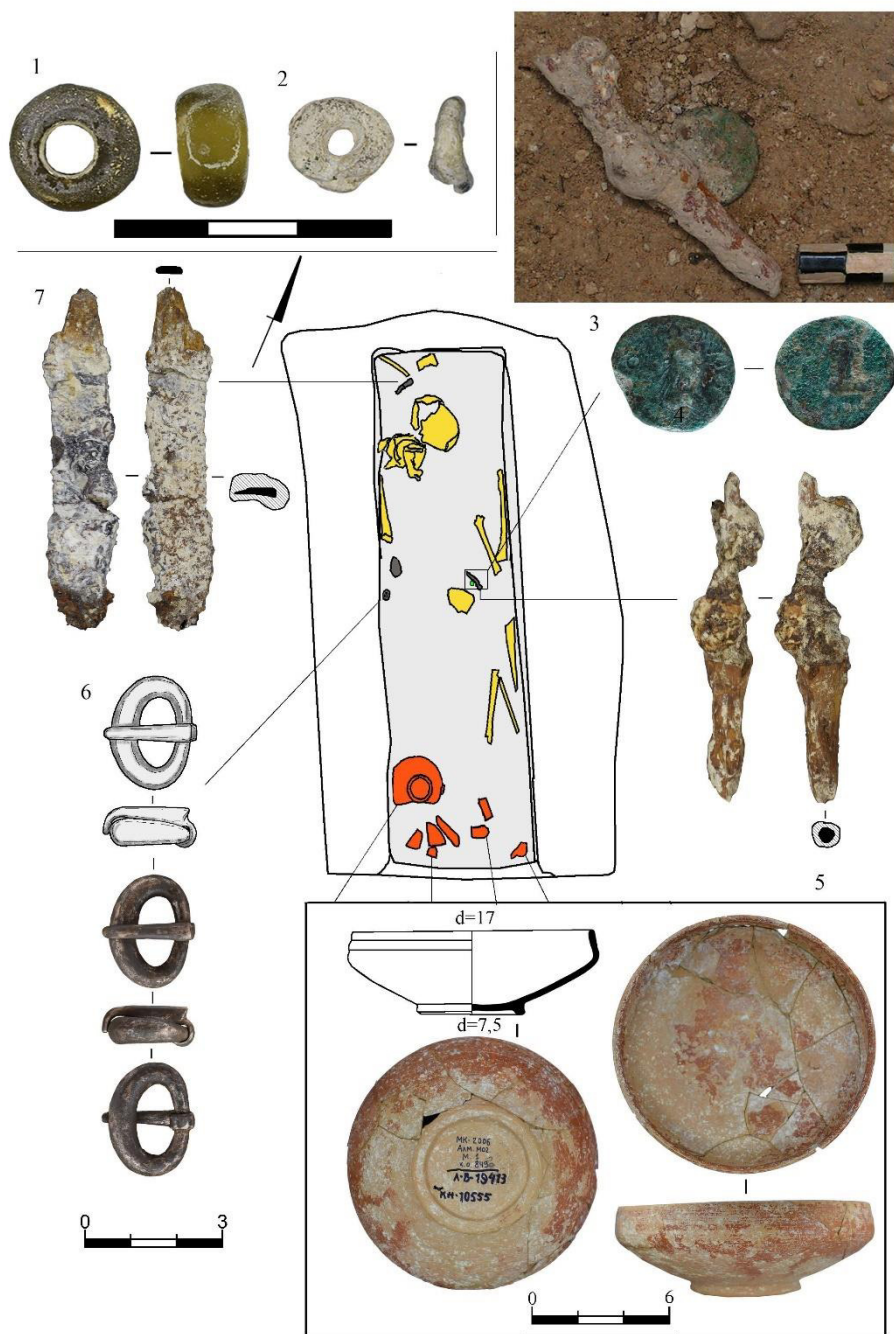

Рис. 8. Могила с запличиками № 1. Погребение и инвентарь.

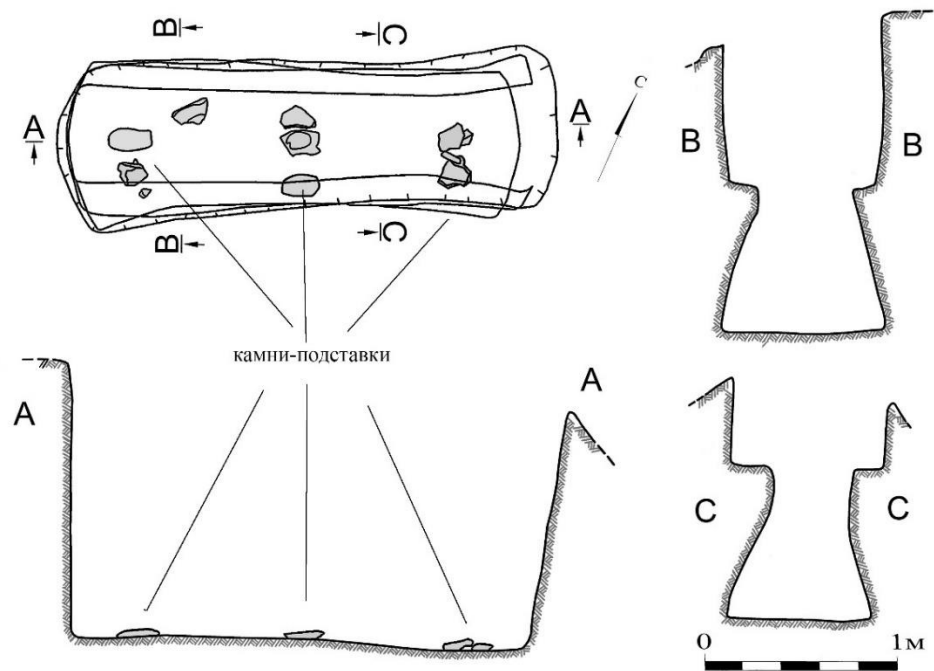

Рис. 9. Могила с заплечиками № 2.

В архитектурном плане все рассматриваемые погребальные сооружения имеют прямоугольную форму, иногда с круглыми углами. Боковые стенки зафиксированы как прямые, так и имеющие небольшой уклон. Углубления для погребенных также имели прямоугольную форму и были немного короче верхнего контура ямы. Во всех могилах отсутствовал заклад. Однако, по аналогии с такими могилами на других могильниках Крыма, можно предположить, что в качестве заклада применялись доски или каменные плиты [3, с. 43].

Несмотря на небольшое количество исследованных могил с заплечиками на Алмалыкском могильнике, их можно предварительно разделить на два типа. К типу 1 относятся могилы №№ 1, 3 и немного отличающаяся от них могила № 2. В них углубление для погребенного выкапывалась практически на всю длину входной ямы, при этом заплечики вырубались в боковых стенках. Могила №4 относится к типу 2. В ней камера выкопана с отступом не только от боковых, но и от торцевых стенок, ввиду чего заплечики, у данной конструкции имеются со всех сторон.

Закономерности в ориентации погребальных сооружений не прослеживаются. В могилах типа 1 погребения ориентированы в северо-западном секторе, для типа 2 – в восточном. Планиграфически могилы типа 1, не составляют регулярного ряда с какими-либо погребальными сооружениями и расположены несколько хаотично. Кроме этого, их ориентация немного отличается от расположенных рядом

погребальных сооружений. Могила с заплечиками № 4 находится в одном ряду и ориентирована также, как и расположенные рядом склеп № 195/2008 и подбойная могила № 40/2008. Являются ли три разноплановых погребальных сооружения частями одного упорядоченного погребального ряда, сказать сложно.

Рис. 10. Могила с заплечиками № 2. Фото.

Рис. 11. Могила с заплечиками № 2. Фото восточной стенки.

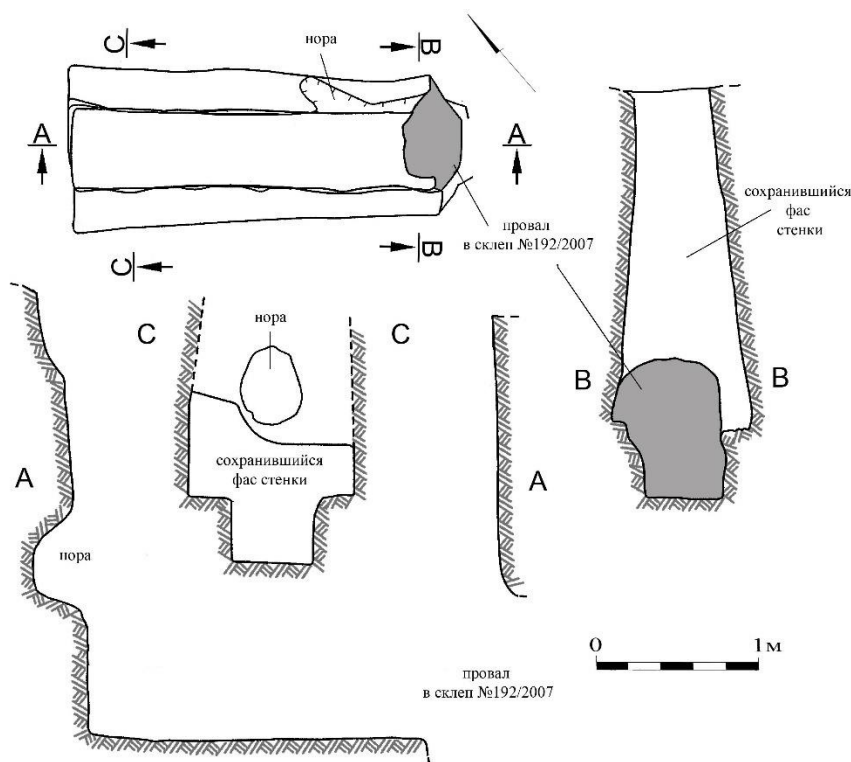

Рис. 12. Могила с заплечиками № 3.

Хронология. В могиле с заплечиками № 1 хронологическим индикаторами являются небольшая пряжка и краснолаковая миска 4-й формы по Ивановой (вторая половина IV – первой половины V вв.) [12, с. 40]. Эта миска схожа с формой 4А по К. Домжалскому и использовалась длительное время с начала IV по VI вв. При этом на Алмалыкском могильнике изделия формы 4А обычно относятся к V в. [27, s. 103, pl. 25]. Овальнорамчатая пряжка с выступающим острым загнутым язычком близка таким изделиям 3-го варианта второй половины IV – первой половины V вв. по А. И. Айбабину [1, с. 28]. Боспорский статер явно запаздывает относительно остального инвентаря и не может здесь рассматриваться в качестве хронологического индикатора. Судя по его плохой сохранности, монета использовалась длительное время.

В могиле № 3 датирующими находками являются овальнорамчатая бесщитковая пряжка и овальнорамчатые пряжки с овальным щитком с выступающими острыми загнутыми язычками. Они относятся к пряжкам третьего варианта второй половины IV – первой половины V вв. по А. И. Айбабину [1, с. 28]. Весь керамический инвентарь найден в грабительской яме, что не дает возможности использовать его для построения хронологии комплекса. Отметим

лишь, что в засыпи ямы обнаружен фрагмент стенки краснолакового сосуда открытого типа с остатками штампа, вероятно, группы LRC [12, с. 60, рис. 16, 104]. Подобные штампы обычно датируются периодом 360–450 гг. [31, s. 349, fig. 72]. Рассмотренные бесщитковые пряжки близки пряжкам типа 9 по И. Н. Храпунову, которые датируются IV вв. [26, с. 100]. В целом, овальнорамчатые пряжки с щитком или без него характерны для конца IV – первой половины V вв. [22, с. 303–319].

Рис. 13. Могила с заплечиками № 3. Фото.

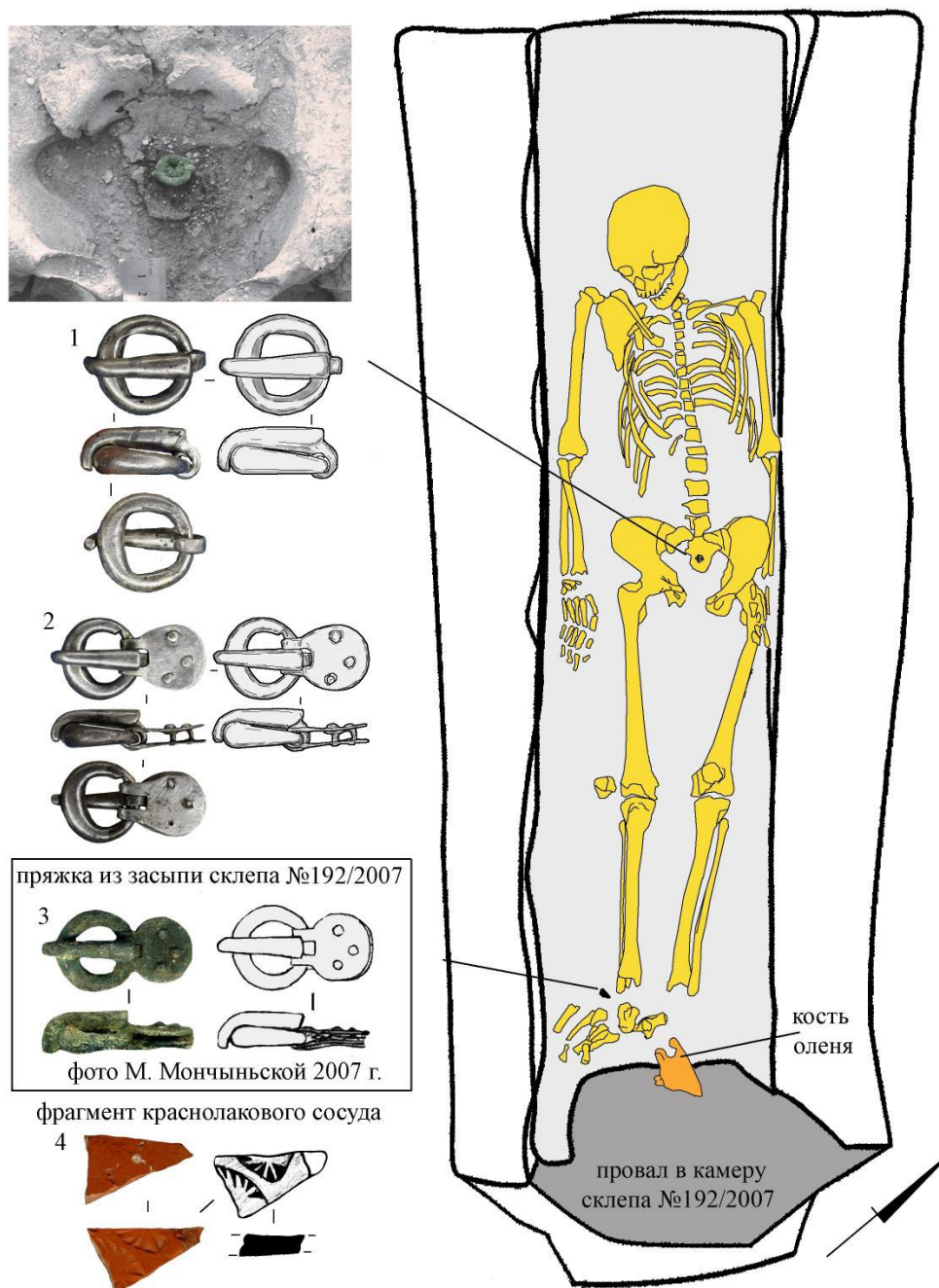

Рис. 14. Могила с заплечиками № 3. Погребение и инвентарь.

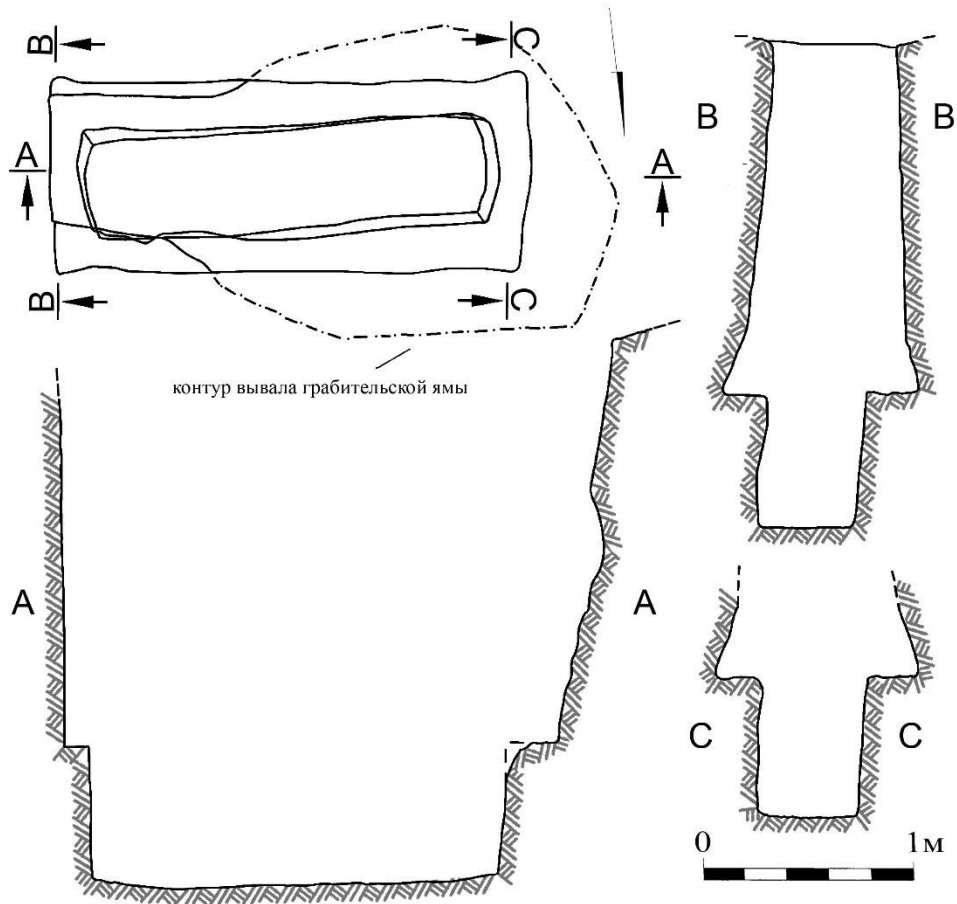

Рис. 15. Могила с заплечиками № 4.

Археологические находки из могил с заплечиками №№ 1 и 3 относятся к первой хронологической фазе истории Алмалыкского могильника (вторая половина IV – первая половина V вв.). Могила с заплечиками № 2, без находок в ее заполнении, находится на участке некрополя с погребальными сооружениями (подбойная могила № 18/2004, склепы № 184/2006 и № 185/2006), датируемыми этой же хронологической фазой [34, с. 14–15.], и, таким образом, синхронна им. Сильно ограбленную могилу с заплечиками № 4 датировать крайне сложно, но предположительно она, как и остальные подобные могилы Алмалык-дере, была сооружена на раннем этапе истории памятника. Косвенно это подтверждается находкой в слое ее «ограбления» венчика от краснолаковой тарелки формы 2 группы LRC (рис. 17, 2) [12, с. 56, рис. 16, 97], которая, по Дж. Хейсу, датируется 370–450 гг. [31, р. 327–329].

Рис. 16. Могила с заплечиками № 4. Фото.

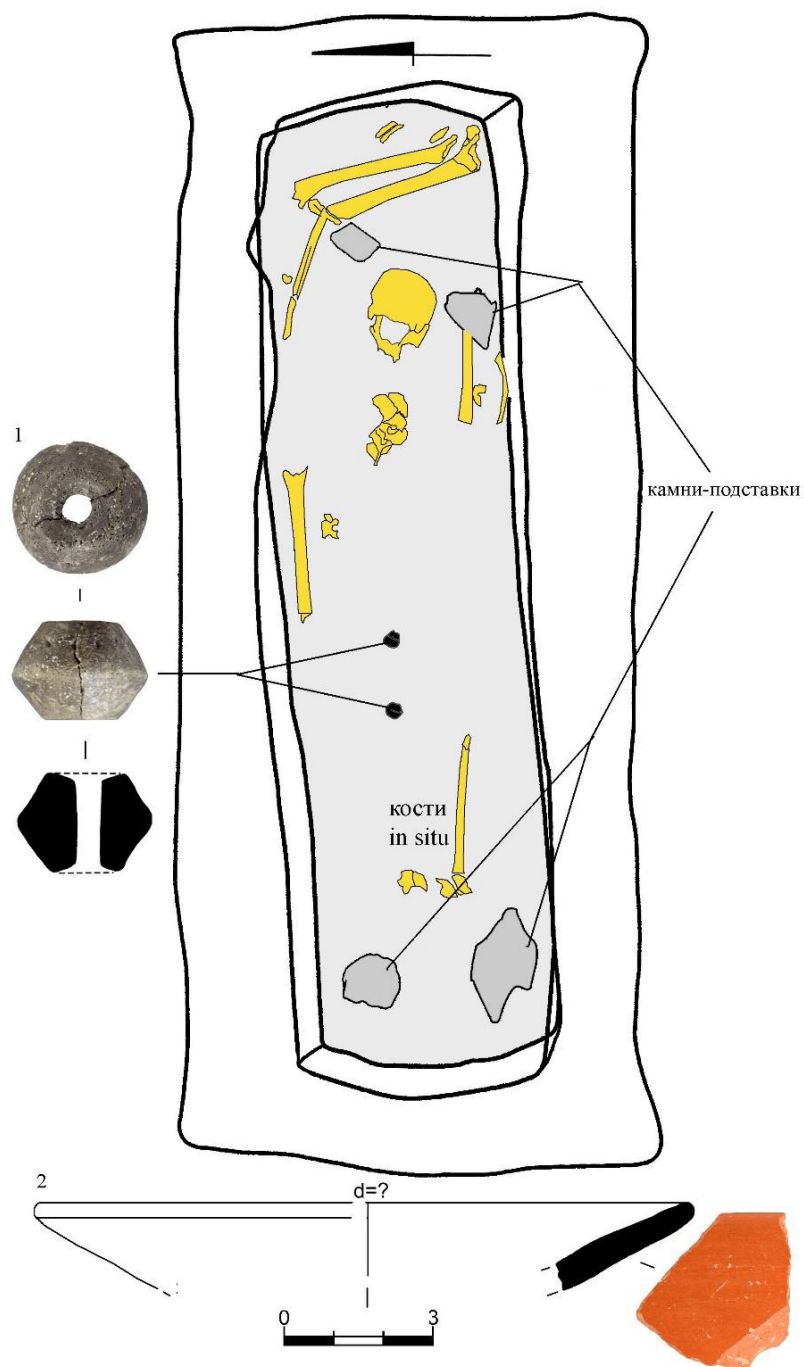

Рис. 17. Могила с заплечиками № 4. Погребение и инвентарь.

Выводы. Известные, на сегодняшний день, могилы с заплечиками из раскопок могильника в балке Алмалык-Дере являются одним из самых малочисленных видов погребальных сооружений. Они обнаружены на значительном расстоянии друг от друга. К примеру, расстояние между могилами с заплечиками №1 и №4 составляет примерно 375 м. Таким образом, следует предполагать, что между ними могут встречаться и другие подобные погребальные конструкции.

При сравнении с другими погребальными сооружениями на территории Алмалык-дере, наиболее многочисленными склепами и подбойными могилами, могилы с заплечиками являются самыми непримечательными. Впрочем, это характерно и для других могильников Крыма рассматриваемого периода, где в таких могилах хоронили умерших с небольшим количеством инвентаря или даже без него [3, с. 43]. Очевидно, это свидетельствует о рядовом статусе погребенных. Лишь женское погребение в могиле №3 может указывать на более высокий социальный статус похороненной. Показателем этого выступают сопровождающие серебряные изделия в составе обувного набора и рацион питания умершей. Последний включал большое количество молока и молочных продуктов, но в целом был основан на мясной пище [8, с. 223].

В могилах с заплечиками в основном хоронили по одному человеку. Половозрастная структура погребений разнообразна и характеризуется захоронениями мужчин, женщин и детей. Выделить этнический компонент на основе имеющихся материалов раскопок пока не представляется возможным.

Как отмечалось выше, данный вид погребальных конструкций встречается в Крыму в разные периоды и на разных территориях. На Алмалыкском могильнике такие могилы относятся только к раннему этапу его истории. После середины V в. могилы с заплечиками на территории некрополя уже не фиксируются.

Список использованных источников и литературы.

1. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1990. – Вып. I. – С. 3–86.
Ajbabin A. I. Hronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 1990. – Вып. I. – С. 3–86.
2. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – 352 с.
Ajbabin A. I. Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma. – Simferopol', 1999. – 352 s.
3. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). – Симферополь: ООО «Антиква», 2017. – 366 с.
Ajbabin A. I., Hajredinova E. A. Krymskie goty strany Dori (seredina III – VII v.). – Simferopol': ООО «Antikva», 2017. – 366 s.
4. Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. – Екатеринбург, 1971. – Вып. 7. – С. 81–101.
Antonova I. A., Danilenko V. N., Ivashuta L. P., Kadeev V. I., Romanchuk A.I. Srednevekovye amfory Hersonesa // Antichnaya drevnost' i srednie veka. – Ekaterinburg, 1971. – Вып. 7. – С. 81–101.
5. Волошинов А. А., Масыкин В. В. Могильник Сувлу–Кая III – первой половины V в. в Юго–Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Ин–т. археологии РАН. – М., 2022. – С. 146–174.

- Voloshinov A. A., Masyakin V. V. Mogil'nik Suvlu-Kaya III – pervoj poloviny V v. v Yugo-Zapadnom Krymu: osobennosti pogrebal'nogo obryada i inventarya // Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granicah Imperii / In-t. arheologii RAN. – M., 2022. – S. 146–174.
6. Веймарн Е. В. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // История и археология древнего Крыма. – Киев, 1957. – С. 219–237.
- Vejmarn E. V. Raskopki Inkermanskogo mogil'nika v 1948 g. // Istorija i arheologija drevnego Kryma. – Kiev, 1957. – S. 219–237.
7. Веймарн Е. В. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Разведки оборонительных стен и некрополя // Материалы и исследования по археологии. – М.; Л., 1953. – № 34. – С. 419–429.
- Vejmarn E. V. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Razvedki oboronitel'nyh sten i nekropolya // Materialy i issledovaniya po arheologii. – M.; L., 1953. – № 34. – № 34. – S. 419–429.
8. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса–Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV – XVII вв.). – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 272 с.
- Gercen A. G., Naumenko V. E., Shvedchikova T. YU. Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arheologo-antropologicheskogo analiza nekropolej Mangupskogo gorodishcha (IV – XVII vv.). – M.; SPb.: Nestor-Istorija, 2017. – 272 s.
9. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г.», Алмалыкский могильник // История и археология Крыма. Вып. XIII. Матер. науч.– практ. конф. по итогам полевого археологического сезона 2019 года на Крымском полуострове, посвящённой 100-летию академической археологии России / ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». – Симферополь, 2020. – С. 111–128.
- Gercen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Gancev V. K., Iozhica D. V., Nabokov A. I. Raskopki Mangupskogo gorodishcha: dvorec, «cerkov' 1968 g.», Almalyk'skij mogil'nik // Istorija i arheologija Kryma. Vyp. XIII. Mater. nauch.– prakt. konf. po itogam polevogo arheologicheskogo sezona 2019 goda na Krymskom poluostrove, posvyashchyonnoj 100-letiju akademicheskoy arheologii Rossii / FGBUN «Institut arheologii Kryma RAN». – Simferopol', 2020. – S. 111–128.
10. Зайцев Ю. П. Некрополи Крымского Барбарикума I–IV вв. н.э // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Ин-т. археологии РАН. – М., 2022. – С. 102–123.
- Zajcev YU. P. Nekropoli Krymskogo Barbarikuma I–IV vv. n.e // Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granicah Imperii / In-t. arheologii RAN. – M., 2022. – S. 102–123.
11. Земскова А. А. Классификация погребальных сооружений Европейского Боспора I–III вв. н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. – М., Магнитогорск; Новосибирск, 2008. – Вып. XXI. – С. 459–467.
- Zemskova A. A. Klassifikaciya pogrebal'nyh sooruzhenij Evropejskogo Bospora I–III vv. n.e. // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – M.; Magnitogorsk; Novosibirsk, 2008. – Vyp. XXI. – S. 459–467.
12. Иванова О. С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2009. – Вып. XV. – С. 26–88.
- Ivanova O. S. Krasnolakovaya keramika iz raskopok mogil'nika v balke Almalyk-dere (Mangup) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2009. – Vyp. XV. – S. 26–88.
13. Мульд С. А. Могильники варварского населения Крыма I – V вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1996. – Вып. V. – С. 279–289.
- Mul'd S. A. Mogil'niki varvarskogo naseleniya Kryma I – V vv. // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 1996. – Vyp. V. – S. 279–289.
14. Науменко В. Е., Набоков А. И., Якушечкин А. В. Неопубликованные нумизматические материалы из раскопок раннесредневековых некрополей Мангупа: могильники Южный I, Южный II и Адым-Чокрак // ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка. VIII Междун. нумизматический симпозиум / ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». – Симферополь, 2021. – С. 163–172.
- Naumenko V. E., Nabokov A. I., Yakushechkin A. V. Neopublikovannye numizmaticheskie materialy iz raskopok rannesrednevekovykh nekropolej Mangupa: mogil'niki Yuzhnyj I, Yuzhnyj II i Adym-Chokrak //

PriPONTijskij menyala: den'gi mestnogo rynka. VIII Mezhdun. numizmaticheskij simpozium / FGBUN «Institut arheologii Kryma RAN». – Simferopol', 2021. – S. 163–172.

15. Науменко В. Е., Набоков А. И. Могильник Алмалык–дере Мангупского городища. Основные результаты археолого–топографических исследований 2020–2021 гг. // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VIII Всероссийской науч.-практ. конф. Симферополь, 9–10 дек. 2021 г. – Симферополь, 2022. – С. 102–117.

Naumenko V. E., Nabokov A. I. Mogil'nik Almalyk–dere Mangupskogo gorodishcha. Osnovnye rezul'taty arheologo-topograficheskikh issledovaniy 2020–2021 gg. // Aktual'nye voprosy ohrany i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Kryma: materialy VIII Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. Simferopol', 9–10 dek. 2021 g. – Simferopol', 2022. – S. 102–117.

16. Науменко В. Е., Герцен А. Г., Набоков А. И. Алмалыкский могильник в докрепостной (позднеримский) период истории Мангупского городища // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Ин–т. археологии РАН. – М., 2022. – С. 183–194.

Naumenko V. E., Herzen A. G., Nabokov A. I. Almalyk burial ground in the pre-fortress (Late Roman) period of the history of the Mangup settlement // Roman burial ground Front 3: barbarians on the borders of the Empire / In–t. arheologii RAN. – M., 2022. – P. 183–194.

17. Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III – IV вв. н. э. в Юго-западном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2001. – Вып. VIII. – С. 3–50.

Puzdrovskij A. E., Zajcev Yu. P., Nenevolya I. I. Novye pamyatniki III – IV vv. n. e. v Yugo-zapadnom Krymu // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2001. – Vyp. VIII. – S. 3–50.

18. Радочин В. Ю. Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистое // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии – Симферополь, 2002. – Вып. IX. – С. 119–134.

Radochin V. Yu. Novye antropologicheskie materialy iz mogil'nika u s. Luchistoe // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2002. – Vyp. IX. – S. 119–134.

19. Свиридов А. Н., Язиков С. В. Могильник Фронтное 3. Общие сведения и характеристика Погребального обряда // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи / Ин–т. археологии РАН. – М., 2022. – С. 136–146.

Sviridov A. N., YAzikov S. V. Mogil'nik Frontovoe 3. Obshchie svedeniya i harakteristika Pogrebal'nogo obryada // Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granicah Imperii / In–t. arheologii RAN. – M., 2022. – S. 136–146.

20. Сидоренко В. А. Исследования склонов горы Мангуп // Археологические открытия 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С. 329–330.

Sidorenko V. A. Issledovaniya sklonov gory Mangup // Arheologicheskie otkrytiya 1982 goda. – M.: Nauka, 1984. – S. 329–330.

21. Стржеleckий, С. Ф., Высотская, Т. Н., Рыжова, Л. А., Жесткова, Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum plus. – 2003–2004. – Вып. IV. – С. 27–227.

Strzheleckij, S. F., Vysotskaya, T. N., Ryzhova, L. A., Zhestkova, G. I. Naselenie okrugi Hersonesa v pervoj polovine I tysyacheletiya novoj ery (po materialam nekropolya «Sovhoz №10») // Stratum plus. – 2003–2004. – Vyp. IV. – S. 27–227.

22. Строков А. А. Ременные гарнитур гуннской эпохи азиатского Боспора // Боспорские исследования. – Симферополь; Керчь, 2009. – Вып. XXI. – С. 303–319.

Strokov A. A. Remennye garnitury gunnskoj epohi aziatskogo Bospora // Bosporskie issledovaniya. – Simferopol'; Kerch', 2009. – Vyp. XXI. – S. 303–319.

23. Турова Н. П., Черныш С. А. Раннесредневековый могильник Алония (материалы исследований 1998, 2001, 2002 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2015. – Вып. XX. – С. 133–146.

Turova N. P., Chernysh S. A. Rannesrednevekovyj mogil'nik Aloniya (materialy issledovaniy 1998, 2001, 2002 gg.) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – Simferopol', 2015. – Vyp. XX. – S. 133–146.

24. Хайрединова Э. А. Обувные наборы V – VII вв. из Юго-Западного Крыма // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – Симферополь, 2003. – Вып. X. – С. 125–160.
- Hajredinova E. A. Obuvnye nabory V – VII vv. iz Yugo-Zapadnogo Kryma // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii – Simferopol'*, 2003. – Вып. X. – С. 125–160.
25. Храпунов И. Н. Сарматизация предгорного Крыма (до середины III в. н.э.) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – Симферополь, 2003. – Вып. X. – С. 38–56.
- Krapunov I. N. Sarmatizaciya predgornogo Kryma (do serediny III v. n.e.) // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii – Simferopol'*, 2003. – Вып. X. – С. 38–56.
26. Храпунов И. Н. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)*. – Симферополь, 2016. – Т. II. – С. 97–121.
- Hrapunov I. N. Serebryanye i bronzovye pryazhki iz mogil'nika Nejzac // *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. – Simferopol', 2016. – T. II. – S. 97–121.
27. Domzalski K. Pontic red slip ware typology, chronology and distribution of a major group of late roman fine pottery in the Black sea region. Warsaw, 2021. – 222 s.
28. Gertsen A., Maczyńska M. Ein frühvölkerwanderungzeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-dere bei Mangup auf der Krim // *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungzeit in Mittel- und Osteuropa*. – Lódź, 2000. – S. 522–544.
29. Gertsen A. Vault with a Byzantine Seal in the Cemetery of Almalyk (Mangup) // *Byzantine and Rus' Seals*. – Kyiv, 2015. – S. 25–33.
30. Gercen A., Maczynska M., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemman J., Schneider K., Jakubczuk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk– deream Fuss des Mangup– plateaus // *Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches*. – Mainz, 2013. – S. 125–141.
31. Hayes J. W. Late Roman Pottery. – London, 1972. – XXVII, 477 s.
32. Jacobi F., Stecher M., Zesch S., Radochin V., Alt K. Eski-Kermen, Almalyk und Lučistoe – bioarchäologie auf der Krim // *Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches*. – Mainz, 2013. – S. 335–359.
33. Maczyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I. The Early Mediaeval Cemetery of Almalyk– Dere near the Foot of Mangup // *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. – Kristiansand; Simferopol, 2011. – P. 154–175.
34. Maczyńska M., Gercen A.G., Ivanova O., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemmann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fusse des Mangup auf der Südwestkrim. – Mainz, 2016. – 205 s.

Nabokov A. I., Golev S. A. Graves with shoulders of the Almalyk burial ground

Four graves with shoulders are considered, originating from the Almalyk necropolis. This monument is one of the largest late Roman and early medieval necropolises in the Southwestern Crimea. Among those buried in graves with shoulders there are representatives of various sex and age groups. Graves with shoulders, according to the inexpressive surviving inventory, date back to the second half / end of the 4th – first half of the 5th centuries, thus, these complexes are one of the earliest burial structures at the burial ground in the Almalyk-dere gully. The grave goods are inexpressive, which may indicate the low social status of the burials. These burial structures are similar, but according to the location of the recesses for burials, they are conditionally divided into two types. Wooden or stone ceilings were not found during archaeological research. Topographically, shouldered graves are located at the northern end and in the southern part of the Almalyk necropolis. Radical differences from similar synchronous graves at other cemeteries in the Southwestern Crimea have not been identified.

Keywords: Almalyk burial ground, shouldered graves, burials, chronology, burial inventory.